

Чу Нянь только-только дал своё согласие, как снаружи раздались бранные крики — двое людей ещё не успели войти, а их ругань уже донеслась до него:

— Старший, если мы не уладим это дело как можно быстрее, твой отец от злости сляжет! Как нам теперь вообще показываться людям на глаза, позорище такое! Окаянный, ну и выродил же ты себе гэрка!

— Матушка, не злитесь вы так. Сегодня, чего бы мне это ни стоило, я отправлю его прочь. Не просыпается, значит? Ну так я сейчас выбью из него эту дурь!

Не успел Чу Нянь разглядеть вошедших, как на него обрушился удар кнута. Раздался резкий свист, и Чу Нянь успел лишь подставить руку, приняв удар на себя. Боль была такой нестерпимой, что он судорожно захватал ртом воздух.

Превозмогая боль, он поднял голову и увидел перед собой свирепого мужчину с кнутом в руках. Тот заметил его взгляд, принял это за вызов и, не говоря ни слова, снова взмахнул рукой.

— Да чтоб ты удавился! Вернулся и притворяешься мёртвым? Ну погоди, я тебя сейчас до смерти застегаяю!

Одного удара мужчине показалось мало — следом посыпался град ещё более жестоких ударов. Он бил, не останавливаясь, не давая Чу Няню даже рта раскрыть.

В своей прошлой жизни Чу Нянь прожил двадцать пять лет, ни в чём не зная отказа, и родители пальцем его не смели тронуть. Разве мог он вынести такую беспощадную расправу? Боль была невыносимой. Чу Нянь сжался в комок, пытаясь защитить голову, и про себя проклинал всё на свете: мало того, что «начало игры» оказалось с виселицей, так ещё и этот бесконечный мордобой!

Главное, он же уже согласился на их условия, так почему нельзя просто поговорить по-человечески? Оригинал, конечно, подложил ему знатную свинью, а расхлёбывать последствия приходится ему — невиновному человеку. Настоящий мученик, да и только!

По одному этому взгляду Чу Нянь понял, кто перед ним — родной отец оригинала, Чу Дацин. В обычной жизни он либо пахал поле, либо возил грузы на телеге, и размахивать кнутом было его привычным делом. После нескольких ударов кожа превратилась в кровавое месиво, и Чу Нянь почувствовал, что ещё пара таких «порций» — и его душа отправится на покой. С другой стороны, жизнь в этом странном мире вряд ли сулила что-то светлое, так что, может, и к лучшему, если всё закончится прямо сейчас.

Как раз когда он впал в отчаяние, стоявшая рядом Чу Дамэй пришла в себя и поспешила остановить брата:

— Старший, перестань бить! Завтра же его везти в семью Чжан, если ты его совсем изувечишь, кто же его возьмёт?

Она-то радовалась, что больше не придётся тратить на укрепляющие снадобья, но после таких побоев без лекарств было не обойтись. Она проклинала себя за медлительность — опять придётся выкинуть несколько десятков медных монет.

Ху Ляньсян тоже запоздало осознала неладное и принялась уговаривать мужа:

— Да, отец семейства, хватит с него, выпустили пар — и будет. Четырнадцатый только что согласился выйти замуж в семью Чжан, нельзя давать им повод придраться.

— Щенячий выродок! Как посмотрю на него, так злость берёт. Если бы не этот брак, я бы точно прибил его на месте.

Чу Дацин продолжал сыпать угрозами, но понимал, что сестра и жена правы: раз уж они дали слово отдать его в семью Чжан, бить сильнее нельзя. Поразмыслив, он опустил кнут.

— Вот и ладно, старший, завтра ты его уже не увидишь, — с облегчением сказала Чу Дамэй.

Вошедшая следом госпожа Чу брезгливо взглянула на скрючившегося Чу Няня и, похлопав дочь по руке, с одобрением произнесла:

— Хорошо, что ты у нас такая рассудительная, иначе твоему отцу пришлось бы худо перед старостой.

— Разве я могу не печься о делах нашей семьи? — Чу Дамэй вскинула брови и добавила уже серьезнее: — Если мы не уладим это дело, это отразится на сватовстве остальных наших детей. Нельзя позволить такому гэрку позорить доброе имя клана Чу.

Госпожа Чу от этих слов заскрипела зубами:

— Чуть было не испортил всю кашу, как одна паршивая овца! Позор на нашу голову!

Ху Ляньсян, выждав момент, не выдержала и вставила слово:

— Матушка, не злитесь, сберегите здоровье.

Однако в ответ получила лишь презрительный взгляд госпожи Чу:

— Глянь на себя, кого ты на свет произвела! Знала бы я, какую беду он навлечёт — лучше бы

вообще не рожала!

В этом доме невестка была её главной головной болью: дородная, с широкими бёдрами — думали, будет отличной матерью для наследников, а на деле — одни девки да гэрки. Никакого проку. А уж этого гэрка она даже воспитать не смогла: с виду послушный, а на деле — сплошная напасть. И мать, и сын — одни огорчения. Хорошо, что она проявила дальновидность и взяла для старшего сына наложника-гэрка, иначе остался бы он на старости лет в одиночестве, некому было бы даже воды подать.

Ху Ляньсян промолчала, не зная, что ответить. Когда-то она хвасталась перед свёкрами тем, что породнилась со старостой, а теперь вот — всё пошло прахом, как плевок в лицо. Бросив взгляд на мужа, который даже не соизволил посмотреть на сына, она, чувствуя себя униженной, молча вышла вон.

Ей тоже хотелось родить сына, чтобы доказать свою значимость, но судьба была немилостива. Впрочем, слова госпожи Чу запаали ей в душу: если бы тогда, когда она не проявила мягкости, они просто утопили Чу Няня, то и проблем сейчас не было бы. Жалела она об этом всё сильнее.

Выйдя из сарая, она увидела Лю Чжэнь, которая, опираясь на дверной косяк, грызла семечки и с любопытством поглядывала на происходящее. Заметив её, Лю Чжэнь нарочито выпятила свой ещё не видный живот, довольно усмехнувшись.

Ху Ляньсян скрипнула зубами. Подумаешь, забеременела! Тоже мне, повод для гордости. Посмотрим ещё, кого она родит.

От этой мысли она ещё больше возненавидела Чу Няня, лежавшего в сарае. Если бы не тяжелые роды, она бы не подорвала здоровье и родила бы ещё, а сейчас осталась ни с чем. А всё этот «неудачник» виноват. Скорее бы его сплавить, с глаз долой.

Вскоре Чу Дацин, бросив напоследок несколько грубых слов, под руку с госпожой Чу вышел из сарая. Подумав, он вернулся и сунул сестре мешочек с медью, велел купить лекарство. Важно было, чтобы в семью Чжан человек приехал целым и невредимым. Госпожа Чу лишь неодобрительно качала головой — дескать, денег хватило бы на десять фунтов муки, а молодая кожа и так заживёт. Но, вспомнив про восемь лянов серебра, она промолчала: в конечном счёте, они в выигрыше, нечего мелочиться.

Когда семейство Чу удалилось, Чу Нянь наконец смог немного прийти в себя после адской боли. Он был весь в холодном поту, лицо заливали слёзы. С трудом поднявшись, он осмотрел кровавые полосы на своём теле. Он с ненавистью смотрел вслед ушедшим. Вот они — самые близкие люди оригинала, которые видели в нём лишь обузу и позор, и никого из них не волновало, жив он или мёртв.

Они хотят и семью Сун задобрить, и серебро семьи Чжан получить? В этом мире не бывает так, чтобы всё шло как по маслу. Этот побои он так просто не оставит — пусть они заплатят свою цену.

Чу Нянь бросил взгляд на заходящее солнце. В его глазах отразилась глубокая решимость — план уже созрел.

<http://bllate.org/book/22371/2346365>